

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

*К семидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1976

ЕЩЕ РАЗ О ВИДЕ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

(К ИСТОРИИ ВОПРОСА)

В настоящее время мысль о том, что в тюркских языках вид не обнаруживается как отдельная грамматическая категория, самостоятельно бытующая вне системы видо-временных форм глагола, становится в отечественной тюркологии господствующей. «Отсутствие видов в тюркских языках компенсируется не только богатой системой времен, но и наличием широко разветвленной системы способов действия (Aktionsart), которые обычно принимают за виды исследователи тюркских языков».¹ Действительно, в тюркологии в течение многих лет видом, как правило, именовали любые характеристики протекания действия (так называемый «вид в широком смысле»), но это по преимуществу те характеристики, которые ныне в аспектологии без колебаний относятся к способам глагольного действия; там же, где указывалось на совпадения с русским видом или даже на видовое различие тюркских глагольных основ, речь фактически должна идти о предельных/непредельных значениях конкретных тюркских глагольных лексем, либо о контекстуальном выражении достигнутой/недостигнутой предела действия, либо о видовых оттенках видо-временных форм.

Современные аспектологи, обычно признавая вид (Aspekt) грамматической категорией, четко отличают его от способа глагольного действия, а также от предельности/непредельности действия.² Различение этих основных, фундаментальных понятий аспектологии, разнящихся уровнем грамматической абстракции, грамматикализованности, есть необходимое условие достоверного описания аспектуальных средств языка. Способы действия «лексичны» по своему содержанию и определяются как семантические разряды, или группировки, глаголов (с формальными показателями или без них), выделяемые на основе общих характеристик развертывания и протекания действия. Способы действия, модифицируя значение глаголов, «остаются в рамках лексических различий между глаголами».³ Оппозиция предельность/непредельность глагольного действия, семантически более абстрактная, чем способ действия, и характерная, видимо, для широкого круга

языков, опирается на представление о достижении (стремлении)/недостижении некоего предела данного действия, который является естественной границей этого действия.⁴ Распределение глаголов на предельные и непредельные есть семантическая операция, основанная на анализе их значений. Учет этой семантики необычайно важен и для тюркских языков, поскольку она играет здесь значительную роль в организации аспектологического контекста.⁵

История разработки проблематики вида в тюркских языках изложена с разной степенью полноты в ряде работ,⁶ однако представляется целесообразным еще раз вернуться к этому, чтобы посмотреть, как трактовались в тюркологии указанные выше аспектологические понятия. Ограниченность объема статьи дает возможность остановиться лишь на некоторых, интересных с этой точки зрения, исследованиях.

В дореволюционных тюркологических работах вопрос о категории собственно тюркского вида, как правило, не поднимался, хотя в них описывались отдельные способы действия тюркского глагола, иногда указывалось видовое содержание некоторых временных форм или излагались средства передачи в тюркских языках частных значений русских аспектуальных форм. Однако сам термин «вид» употреблялся уже давно для обозначения ряда производных форм тюркского глагола, причем с разным содержанием, которое часто и не связывалось с существовавшим тогда представлением о русском виде. Можно сослаться на известную «Грамматику алтайского языка», где «видовыми» названы, с одной стороны, формы глагола, передающие возвратность, страдательность, совместность, а с другой — показывающие «положения действия»: глагол в алтайском языке «сам по себе не означает положения действия, т. е. начала, оконченности и т. п. . . . Положение действия определяется сочетанием глагола с деепричастием».⁷ Среди описанных авторами «положений» укажем следующие: 1) начало действия и его дальнейшее продолжение, иногда с постепенным развитием и усилением: *иче бердiлер* 'стали пить'; 2) действие в процессе совершения: *санарқан жүрдiм* 'я скорбел'; 3) совершенное исполнение действия: *өлүп парды* 'он умер'; 4) начало действия-движения в известном направлении: *оодып ийдi* 'он разбил'. Авторы грамматики включили специальный отдел «Способ выражения по-алтайски русских видов и глаголов сложных с предлогами», отметив, что аналитические формы глагола «между прочим, выражают те понятия, для которых в русском языке существуют виды глаголов и сложные с глаголами предлоги».⁸ Для передачи русских приставочных глаголов используются сочетания глаголов, разлагающие действие на составные элементы типа 'приходил=пришел+ушел' — *келип парбан*, 'отнеси=взять+идти+дать' — *алып парып пер*. Что касается последнего указания, а также упоминаемых «положений действия», то их следует рассматривать как описание отдельных спо-

сборов действия, находящихся в алтайском языке (собственно в телеутском его диалекте, на базе которого написана грамматика) специальное выражение на морфолого-синтаксическом уровне. Интересно отметить, что ни в этой грамматике, ни в других исследованиях, касающихся данной проблемы, авторы обычно не обращаются к описанию иных средств (кроме сочетаний с вспомогательными глаголами, отдельных аффиксов), в том числе и лексических, которые могут быть использованы в тюркских языках для характеристики протекания действия. Видимо, данное обстоятельство объясняется той исходной точкой поисков соответствий, которую обычно задает русский язык, широко использующий для этих целей префиксально-суффиксальные средства.⁹

«Грамматика алтайского языка» оказала определенное влияние на последующие описания тюркских языков и в плане дальнейшей трактовки аналитических глагольных конструкций со значением способов действия глагола. П. М. Мелиоранский считал, что в казахском языке глаголы не передают значений совершенности, несовершенности, многократности действия, которые присущи русским видам, однако различные оттенки действия в этом языке могут передаваться с помощью сочетаний специальных глагольных форм, например: стремительный приступ к действию (*жаша бер* 'пускайся в бегство'); частое повторение действия (*цаза береди* 'он часто пишет'); длительность действия (*келе цатыр* 'он приближается'); совершенное окончание действия (*цеп жойду* 'он съел без остатка').¹⁰ Он отмечал также, что употребление таких форм часто индивидуально и оттенки значений, передаваемых ими, трудно определяемы. Как видно, для П. М. Мелиоранского проблемы вида в тюркских языках, собственно, не существовало.

Нет какого-либо специального отдела о виде или о передаче оттенков протекания действия и в известной «Грамматике якутского языка» акад. О. Бётлингга, хотя автор в разделе о глаголообразовании рассматривает, например, форму интенсива, которая образуется при помощи аффиксов *-ыт*, *-тā*, *-аттā*, *-талā*, *-ыталā*, *-алā*, *-ыалā*, *-лā*, *-ылā* и может передавать усиленное действие, продолжающееся непрерывно или с небольшими перерывами в некий отрезок времени, а также распределенное по отдельным объектам или между несколькими субъектами.¹¹ В якутско-немецком словаре, приложенном к Грамматике, при отдельных глаголах указывается их роль в качестве вспомогательных в составе аналитических форм, например «*ыл*, *ылабын* 'брат; приобрести' . . . показывает, что агенс довел действие до цели или завершения и благодаря этому стал обладателем объекта. В немецком языке обычно в таких случаях употребляется производный (*zusammengesetztes Verb*) глагол с *er-*, *ein-* или *aus-*».¹²

Таким образом, в известнейших и авторитетных старых грамматиках тюркских языков так или иначе затрагивались вопросы передачи в них различных характеристик протекания глагольного

действия и описывались некоторые синтетические и аналитические средства их реализации в конкретном языке. При этом авторы, как правило, не поднимали вопроса о виде в тюркских языках.

Проблемы тюркского вида особенно стали волновать тюркологов в период развернувшегося в Советском Союзе языкового строительства. В это время начали создаваться учебники русского и родных языков для нерусских школ, разрабатывалась методика преподавания этих языков, возникла задача объяснения тюркскому учащемуся понятия о совершенном и несовершенном видах русского глагола. В связи с этим и в тюркологической литературе все большее место уделяется вопросам вида, появляются специальные исследования. Видимо, тогда в тюркологии и формируется направление, которое основное внимание обращает на выявление в тюркских языках аналогии совершенному и несовершенному видам русского языка. В тюркских грамматиках и учебниках становятся употребительными термины «вид», «многократный вид», «начинательный вид» и даже «совершенный (или несовершенный) вид». Незаметно представление о русских видах начинает переноситься на тюркские языки, причем с самого начала тюркские «виды» стали связываться прежде всего с формами способов действия, а также и с отдельными временными формами, берущимися изолированно от всей видо-временной системы тюркского глагола.

А. К. Боровков в свой учебник ввел параграф «Понятие о видах глагола в уйгурском языке».¹³ Он связывал вид с представлением о характере протекания действия, которое может быть длительным/недлительным, повторяемым/неповторяемым, законченным/незаконченным, но описал в уйгурском языке формы, несущие значение только отдельных членов выделенных противопоставлений: формы многократного вида, совершенного и несовершенного. Термин «совершенный вид» А. К. Боровков относил к аналитическим формам, выражающим значение законченности, завершенности. В этих формах вспомогательный глагол привносит новый лексический оттенок, «описывая как бы характер самого действия, его направление». Казалось бы, что исходный глагол должен быть несовершенного вида, но автор указывает, что сам уйгурский глагол не несет в себе значения вида. Таким образом, с одной стороны, А. К. Боровков относил «вид» к сфере временных форм (многократный, время на *-р* и на *-р+эди*), с другой — к сфере словообразования («каждый раз новый оттенок значения»), при этом, естественно, «совершенный» и «несовершенный» вид (который у автора нигде не толкуется) оказались несоотносительными образованиями.

Как отметил Б. А. Серебренников, на течение, признающее наличие в тюркских языках глагольного вида, оказали также влияние идеи В. А. Богородицкого.¹⁴ С точки зрения В. А. Богородицкого, «в тюркских языках категории глагола в значительной мере аналогичны с русским глаголом (залог, вид,¹⁵ наклоне-

ние, времена, числа и лица), но они выражаются в значительной мере своеобразно, соответственно основному характеру этих языков — агглютинативно-постпозиционному, именно суффиксами и отчасти вспомогательными глаголами (некоторые категории вида)». ¹⁶ Отдельными тюркологами эти слова были поняты слишком прямолинейно, причем было неправомерно расширено и само представление В. А. Богородицкого о русских видах. Это можно видеть, например, в таких словах А. И. Харисова, исследователя видов в башкирском языке: «Категория глагольных видов в башкирском языке, как и другие грамматические категории, образуется иным способом, органически вытекающим из присущего тюркским языкам агглютинативного строя». ¹⁷ Не случайно, что в центре внимания исследователей оказываются преимущественно аналитические образования или конструкции, структурно состоящие из сочетания деепричастной формы основного глагола с различными формами вспомогательного глагола и модифицирующие действие в плане указания на характер и особенности его протекания. Эти аналитические образования (наряду с некоторыми аффиксами) начинают рассматриваться как основные средства выражения «тюркского вида».

Вопрос о видах затронул в своей грамматике башкирского языка Н. К. Дмитриев. Вид он относил к словообразованию глагола и связывал его с количественной модификацией основного глагольного действия. ¹⁸ Н. К. Дмитриев отмечал, что между тюркскими и русскими видами имеется значительная разница, поскольку значения совершенности (или законченности) и несовершенности (или незаконченности и повторяемости) выражаются в языках неодинаково и в тюркских они различаются только в отдельных формах времени и в некоторых синтетических образованиях (например, с аффиксом *-была*). В аналитических же формах вида выражается ускорение и ослабление действия, переход действия в состояние, начало и конец действия, законченность действия в пользу другого лица, неожиданность действия, продолжительность действия и др. Грамматическая концепция Н. К. Дмитриева тоже оказала большое влияние на дальнейшее исследование строя тюркских языков. В частности, классификация тюркских видов по вспомогательным глаголам заняла прочное место почти во всех последующих работах по виду. К сожалению, его замечание о том, что тюркским видам в русском языке следует искать только семантические параллели, прошло как-то незамеченным, и, наоборот, многие ориентировались как раз на поиски в тюркских языках полной аналогии совершенному и несовершенному виду. Может быть, этому способствовало употребление таким авторитетным, крупнейшим советским тюркологом, каким был Н. К. Дмитриев, терминов «несовершенный, совершенный и многократный вид» в отношении башкирского глагола.

В. М. Насилов, исходя из формулировки И. И. Мещанинова, понимавшего вид как характеристику процесса самого действия,

рассматривал глагольные образования, которые «именуются тюркологами как явления вида» тюркских глаголов.¹⁹ Он пришел к выводу, что сочетания с вспомогательными глаголами имеют два различных круга значений: первые показывают пространственную характеристику действия, вторые «приобретают значение видовой категории в других языках», передавая развитие действия как такового. Последний тип значений связывался им с особой функцией вспомогательных глаголов, когда вся аналитическая конструкция служит выражению скорее нового грамматического значения, чем нового лексического. Разделение двух типов значений было важным моментом, так как это соответствует делению способов действия на возникающие в результате словообразования и на проявляемые у глаголов в пределах одного лексического значения. Эта статья В. М. Насилова была одной из первых работ, где ставилось под сомнение существование в тюркских языках видов, аналогичных русским совершенному и несовершенному видам, как грамматических категорий; правда, автор недостаточно четко и полно аргументировал свои положения.

Большой интерес вызывают взгляды А. А. Юлдашева на сущность категории вида в тюркских языках, развиваемые им в ряде работ.²⁰ Он справедливо считает, что изучение тюркского вида осложняется различным подходом каждого автора к данному явлению, терминологической непоследовательностью, односторонней направленностью отдельных исследований. При этом автор выдвигает требование, имеющее, с нашей точки зрения, принципиально важное значение для данной проблемы, а именно — строго различать среди синтетических и аналитических образований те, которые являются словообразовательными или модальными, и те, которые имеют отношение к характеру протекания глагольного действия. В понимании вида А. А. Юлдашев исходит из понятий совершенности/несовершенности: для первого значением является «категорическое указание на предел или результативность», для второго — «отсутствие указания на предел». Данные значения он относит к грамматическим значениям видовых форм. Устанавливается также, что лексические значения в этом случае сводятся к уточнению характера протекания действия в пространственном, временном, количественном и других отношениях. А. А. Юлдашев выделяет следующие разряды таких характеристик: 1) интенсивность, 2) начинательность, 3) законченность, 4) длительность, 5) достижение конца действия, 6) кратность.²¹

Таким образом, у А. А. Юлдашева получается довольно стройная концепция вида в башкирском языке: «видовые» аналитические формы имеют, с одной стороны, лексическое значение, связанное с характером протекания действия, а с другой — грамматические значения совершенности/несовершенности, причем последние могут выявляться и у простых глагольных основ.

Если к этой концепции подойти из приведенных выше положений современной аспектологии, то можно увидеть, что, говоря

о лексическом значении аналитических форм, автор говорит о выражении способов действия в башкирском глаголе (их он устанавливает 6). Исходя из понятия предела при определении «совершенного и несовершенного вида», А. А. Юлдашев фактически говорит о делении всех глаголов на предельные и непредельные. Если же принять во внимание, что такое деление является языковой универсалией (Ю. С. Маслов, А. А. Холодович), то оно оказывается приложимым и к тюркским языкам, в частности к башкирскому.

Признание в башкирском языке предельных и непредельных глаголов (в терминах А. А. Юлдашева — глаголов совершенного и несовершенного вида, позже — перфективных и имперфективных, или со значениями законченности и незаконченности) поновому осветило проблему тюркского «вида». Образование способов действия может одновременно видоизменять предельность, а это проявляется в сфере словоизменения, в частности функционирования временных форм. Стремление автора увязать особенности функционирования аналитических образований с явлением предельности/непредельности и объяснить через это своеобразие конкретных образований в отдельных тюркских языках является дальнейшим шагом вперед в изучении аспектологической проблемы в тюркологии и относится к значительным достижениям автора.

Б. А. Серебренников считает вид грамматической категорией, поэтому он полагает, что для ее признания в каком-либо языке необходимо тотальное распространение видовых формантов, приводящее к возникновению видовой оппозиции. «Видов в тюркских языках нет. Сочетания деепричастий с вспомогательными глаголами хотя и обладают видовым значением, но не образуют категории грамматического вида, поскольку завершенность или длительность действия в них всегда осложнена дополнительным оттенком. Глаголы, сочетающиеся с различными вспомогательными глаголами, можно было бы назвать видовыми классами, но не видами».²² Эти образования, «не имея тотального распространения, явно тяготеют к образованиям лексического порядка». Графически видовые классы Б. А. Серебренников представляет в виде кругов различного размера, соположенных друг с другом.²³ Если сравнить данное им выше определение видового класса с определением способа действия, то можно увидеть, что они фактически совпадают, даже в плане противопоставленности категории вида.

Наряду с приведенными выше точками зрения, согласно которым в тюркских языках прежде всего выявляются связанные с лексическими значениями глаголов характеристики протекания действия, а категория вида либо вообще для этих языков отрицается, либо увязывается с представлением о предельности действия, но, во всяком случае, ясно противопоставляется способам действия, в тюркологии представлено также и направление, не приводящее такого различия, когда любые особенности протекания

действия определяются как видовые. Такое широкое понимание вида содержится в работах Н. А. Баскакова.²⁴ Он относит вид, как и залог, к лексическому словообразованию глагола от глагола, т. е. образованию от основы глагола другой основы глагола. «Вид указывает на характер процесса действия без отношения к нему действующего лица. . . и является объективной характеристикой действия».²⁵ В каракалпакском языке, например, выделяются две их группы: виды, дающие качественную (ослабление, усиление) или количественную (многократность) характеристику действия, и виды, выражающие направленность действия, а также его начало, конец, длительность. Такой же широкий подход к виду отмечается и в работах Л. Н. Харитоновой.²⁶

Несмотря на давнюю традицию описывать, говоря о «видах», способы действия, в тюркологии до последнего времени отсутствовали глубокие и законченные исследования средств передачи способов глагольного действия и семантики последних в каком-либо тюркском языке. Одной из причин этого явилось одностороннее увлечение видовой тематикой, в силу чего поиски грамматической категории вида уводили исследователей в сторону выявления средств выражения совершенного или несовершенного видов и показательства их грамматичности. Основное внимание сосредотачивалось на квалификации грамматического статуса аналитических глагольных образований, и оставался в стороне первостепенный вопрос об их лексико-семантической сущности. Поскольку грамматическая квалификация таких образований (обычно через призму славянского вида) наталкивалась на естественные трудности, то выяснение их значений и определение их места в системе тюркского глагола не продвигались вперед. Можно поэтому ожидать, что отказ от разрешения видовой проблемы в тюркских языках в том плане, как она ставилась ранее, и обращение к теоретическим разработкам в области современной аспектологии скажутся положительно на изучении аспектологических средств в этих языках.

Речь идет прежде всего о последовательном разграничении вида и способов действия и признании в тюркских языках развитой системы последних. Проблему вида для тюркских языков вовсе исключать не следует, но ее решение, видимо, возможно только через последовательный и детальный анализ видо-временных форм глагола, способов действия, аспектологических контекстов, семантических групп глаголов и т. п. И только после этого тюркский материал может быть использован при рассмотрении вида как языковой универсалии.²⁷

Исследование структуры способов действия в отдельных тюркских языках только начинается, и в новейших публикациях содержатся первые важные результаты этой работы. Для узбекского языка основы такого подхода были заложены академиком А. Н. Кононовым в его грамматике при рассмотрении форм глагола, выражающих характер протекания действия — оттенков

«мгновенности, динамичности, длительности, инхоативности, повторяемости, многократности, направленности действия. . .»²⁸ и получили развитие в монографии А. Хаджиева о вспомогательных глаголах.²⁹ На материале татарского языка значения, реализуемые сложными и аффигированными глаголами, были отнесены Ф. А. Ганиевым к лексико-грамматической категории характера протекания действия, или же способов глагольного действия, причем автор рассматривал их в прямой связи с предельностью/непредельностью действия.³⁰ Отдельные способы действия глагола в казахском языке описаны в диссертации Н. Оралбаевой.³¹ Таким образом, можно отметить, что в отечественной тюркологии в настоящее время четко определен устойчивый интерес к изучению способов глагольного действия в отдельных тюркских языках.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тихонов А. Н. Существует ли категория вида в тюркских языках? — В кн.: Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова. Материалы конференции. I. Самарканд, 1964, с. 206.

² См.: Маслов Ю. С. 1) Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. — В кн.: Вопросы общего языкознания. Л., 1965, с. 53—80; 2) Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании. — В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962, с. 7—32; 3) Русский глагольный вид в зарубежном языкознании последних лет. — В кн.: Вопросы русской аспектологии. Воронеж, 1975, с. 28—47; Шелякин М. А. Основные проблемы современной русской аспектологии. — Там же, с. 5—27.

³ Маслов Ю. С. Вопросы глагольного вида. . . , с. 10.

⁴ Там же, с. 13—19.

⁵ Ср.: Балин Б. М. Немецкий аспектологический контекст в сопоставлении с английским. Калинин, 1969, с. 39—96.

⁶ См.: сб. «Вопросы грамматики тюркских языков». Материалы координационного совещания. Алма-Ата, 1958; Серебренников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960, с. 12—31; Ганиев Ф. А. Видовая характеристика глаголов татарского языка. Казань, 1963; Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, с. 29—53; Сайкиев Х. М. Грамматические категории глагола в русском и казахском языках (К проблеме типологических исследований). Алма-Ата, 1973, с. 190—239, и др.

⁷ Грамматика алтайского языка. Составлена членами Алтайской миссии. Казань, 1869, с. 184.

⁸ Там же.

⁹ См.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 346—350.

¹⁰ Мелиоранский П. М. Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I. Фонетика и этимология. СПб., 1894; ч. II. Синтаксис. СПб., 1897, с. 41—44.

¹¹ B ö h t l i n g k O. Über die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. St.-Ptb., 1851, S. 196—197, 272.

¹² Там же, Словарь, с. 32; ср.: с. 38 (*ic-*), 53 (*кăбис-*), 55 (*кăл-*) и др.

¹³ Боровков А. К. Учебник уйгурского языка. Л., 1935, с. 172—180.

¹⁴ Серебренников Б. А. Проблема глагольного вида в тюркских языках. — В кн.: Вопросы грамматики тюркских языков, с. 14—16.

- ¹⁵ Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. М.—Л., 1935, с. 168.
- ¹⁶ Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953, с. 170.
- ¹⁷ Харисов А. И. Категория глагольных видов в башкирском языке. Уфа, 1944, с. 11.
- ¹⁸ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, с. 132, 184—185, 195—201.
- ¹⁹ Насилов В. М. К вопросу о грамматической категории вида в тюркских языках. — Тр. Моск. ин-та востоковедения, 1947, № 4, с. 32—52.
- ²⁰ Юлдашев А. А. 1) Категория глагольного вида в башкирском языке. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955, с. 362—386; 2) Система словообразования и спряжение глагола в башкирском языке. М., 1958, с. 6—10, 17—86; 3) Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, с. 5—86; 4) Принципы составления тюрко-русских словарей. М., 1972, с. 327—334, 355—362.
- ²¹ Юлдашев А. А. 1) Категория глагольного вида. . . , с. 370; 2) Система словообразования и спряжение. . . , с. 72—80.
- ²² Серебрянников Б. А. 1) Проблема глагольного вида. . . , с. 30; 2) Категории времени и вида. . . , с. 23—26.
- ²³ В связи с этим характерно такое замечание Ю. С. Маслова: «Словом, если применить образное сравнение, можно сказать, что система способов действия. . . напоминает не шкаф с полочками и ящиками, а скорее лист бумаги, исчерченный кругами разной величины, частично покрывающими или перекрывающими друг друга» (Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке. — В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959, с. 188).
- ²⁴ См., например: Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология. Ч. I (Части речи и словообразование). М., 1952, с. 306—308, 352—386.
- ²⁵ Там же, с. 307; ср.: его же. Выражение глагольных категорий вида и залога в морфологической структуре слова в тюркских языках. — В кн.: Типология грамматических категорий. М., 1975, с. 156—169.
- ²⁶ См.: Харитонов Л. Н. Формы глагольного вида в якутском языке. М.—Л., 1960.
- ²⁷ См.: Долнина И. Г. Предельность в видо-временной системе глагола. АДД. М., 1965; ср. опыт анализа видовой семантики турецких видо-временных форм: Johanson L. Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems. Uppsala, 1971. Обстоятельный разбор этой работы см.: Кузнецов П. И. Аспект и акционал в турецком языке. — СТ, 1975, № 3, с. 68—81.
- ²⁸ Канонов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, с. 263 и сл.
- ²⁹ Хожиев Ф. Ўзбек тилида кўмакчи феъллар. Ташкент, 1966.
- ³⁰ Ганиев Ф. А. Видовая характеристика глаголов татарского языка.
- ³¹ Оралбаева Н. Аналитические формы глагола в современном казахском языке. АДД. Алма-Ата, 1974.